

М. Гершензон

Робин Гуд

Легенда о благородном разбойнике Робине Гуде, который грабил богатых и отдавал награбленное беднякам, живет уже более шести веков. И хотя личность предводителя шайки лесных разбойников до сих пор не установлена, повествование о его славных подвигах живет в веках. И сегодня он остается одним из самых популярных героев легенд, которому посвящено множество книг и фильмов.

Благодаря талантливому повествованию Михаила Гершензона легенда о Робине Гуде оживает и дает читателю возможность окунуться в героическое прошлое, вместе с героем проживая успехи и поражения.

Михаил Гершензон

РОБИН ГУД

1. О ТРЁХ СВЯТЫХ ОТЦАХ И МИЛОСЕРДИИ БОЖИЕМ

Двенадцать месяцев в году,
Двенадцать, так и знай!
Но веселее всех в году
Весёлый месяц май.

Двенадцать, но самый весёлый — май!
Зелёным шумом полны леса, по самый зелёный лес
в Шотландии — Шервудский лес. Дождь обрызгал
листву дубов, солнце торопится высушить землю, а
в сырой прохладе лопаются за жёлудем жёлудь,
гонят кверху ростки остролист и чертополох,
пробивая зелёными стрелами рыхлую
прошлогоднюю прель.

По узкой лесной тропе, то и дело пригибая
головы и стряхивая с ветвей дождь радужных
капель, ехали два всадника. Копыта лошадей
глубоко уходили в разбухшие листья, мох и
молодую траву.

Птицы звонко пересвистывались над головами

путников, словно потешались над неуклюжей посадкой толстенького, который трусил впереди. Он болтался в седле из стороны в сторону, так что распятие подпрыгивало у него на груди. Капюшон его плаща сполз на затылок, открыв дождевым каплям и солнечным лучам блестящую круглую, как тарелочка, тонзуру.

Второй всадник, ехавший следом за ним, посмеивался, глядя, как короткие ножки его спутника беспомощно ловят подтянутые к самой луке седла стремяна. Он одет был в такой же плащ, и такое же распятие висело у него на груди. Только поверх плаща и спереди и сзади нашито было по большому кресту.

Не только по этим крестам можно было узнать в нём крестоносца: он сидел на коне прямо, чуть-чуть подавшись назад, и даже монашеский плащ не мог скрыть его могучего роста и широких плеч. Это была посадка воина, привычного к седлу и к дальним походам.

— Подле острова Корсика, — говорил крестоносец, спокойно покачиваясь в седле, — подле острова Корсика водятся рыбы, которые, выскочив из моря, летают по воздуху. Пролетев около одной мили, они снова падают в море. Однажды Ричард Львиное Сердце приказал подать обед на палубе, и одна из таких летучих рыб упала на стол прямо перед королём...

«Так, так», — постучал дятел, повернув головку и недоверчиво посматривая на крестоносца.

Но тот продолжал:

— Диковинная рыба также камбала. Вы знаете, отец приор, это рыба великомученицы Агафьи.

Маленький всадник придержал лошадь.

— Почему же вдруг святой Агафьи, каноник? Я слышал, что камбала — это рыба богоматери. Говорят, что пречистая однажды пришла к рыбакам, которые вкушали от этой рыбы, и сказала им: «Накормите меня, потому что я — мать божия». Но рыбаки не поверили и стали смеяться над нею. Тогда святая дева протянула руку к-сковородке, на которой лежала наполовину съеденная рыба, и половинка рыбы ожила и запрыгала на сковородке. С тех пор камбалу и зовут рыбой богоматери. А при чём тут святая Агафья?

— Не верьте, отец, — ответил каноник, — Такие басни выдумывают люди, которые не видели света и всю жизнь просидели в своём приходе. Я знаю совершенно точно, что камбала — это рыба святой Агафьи. Когда мы покинули Сицилию, нам случилось пройти мимо огненного острова Мунтгибель. Когда-то он изрыгал столько пламени, что возле него высыхало море и огонь сжигал рыбу. И однажды большой огонь вырвался из жерла горы

Мунтгибель и двинулся к городу Катанаму, где почивали чудотворные мощи блаженной Агафьи. Тогда жители города Катанамы стеснились вокруг её гробницы и выставили её плащаницу против пламени. И огонь возвратился в море и высушил воду на расстоянии одной мили и сжёг рыбу. Немногие из рыб спаслись полусожженными — от них произошла камбала, рыба блаженной Агафьи... Что с вами, святой отец?

Маленький всадник так резко остановил свою лошадь, что конь каноника ткнулся мордой в её круп. Отец приор испуганно вглядывался в лесную чащу, словно увидел в кустах жимолости страшное чудовище.

— Что с вами, отец приор? — повторил свой вопрос каноник, убедившись, что ни справа, ни слева от дороги не видно ничего угрожающего.

— Скажите, каноник, — прошептал маленький всадник, — ведь это... ведь в этих лесах скрывается Робин Гуд?

Лёгкая тень пробежала по лицу крестonosца: может быть, просто птица пролетела между ним и солнцем, может быть, ветка, качнувшись, уронила на него прохладу.

— Ну и что же? Надеюсь, вы не боитесь жалкого разбойника, отец приор?

Очень тихо, точно опасаясь, как бы соседние дубы не услышали его слов, маленький всадник

ответил:

— Боюсь, дорогой каноник. Вы ведь знаете, я не из храбрых. И потом, вы слышали, что говорил аббат в монастыре святой Марии? Они чаще всего нападают на нас, беззащитных служителей церкви.

— Хотел бы я встретиться с этим хвалёным разбойником! — сказал каноник. — Не думаете ли вы, что он страшнее сарацин? Оставьте заботу, отец приор. Вот эта кольчуга, — при этих словах крестоносец распахнул свой плащ, — вот эта кольчуга отразила тучи стрел под стенами Иерусалима, а этот меч, — тут он выдернул наполовину из ножен короткий меч, — будет вам такой же верной защитой, какой был королю Ричарду на Аскалонских полях.

Дёрнув поводья, каноник объехал лошадь своего спутника и решительно двинулся вперёд. Отец приор потрусил за ним, стараясь не отстать ни на шаг. С полчаса они ехали молча.

Мало-помалу лошади ускорили шаг; солнечные сетки гораздо быстрее скользили теперь по лицам всадников, непочтительные ветви задорнее сбрасывали на путников пригоршни алмазов, и распятие все яростней колотилось на груди неумелого ездока.

Деревья расступились, и лошади пошли рядом, голова к голове.

Отец приор оглянулся через плечо и

прошептал:

— Вы знаете, каноник, почему я боюсь Робин Гуда? В день святого Климента убежал у меня послушный виллан, Клем из Ключ. Прошёл слух среди моих людей, будто он ушёл к разбойнику в Шервуд. Плохо придётся мне, если я встречу его в лесу.

Горелый пень в сумраке леса часто прикидывается человеком, опустившимся на колени, а хитрые дрозды пересвистываются и вовсе разбойничьими голосами...

— Хотел бы я знать, о чём думает лорд шериф, — громко сказал крестоносец. — И что ему стоит прислать сюда десяток хороших солдат! Будь я на его месте, через три дня голова разбойника болталась бы на рыночной площади в Ноттингеме!

— Тише, тише, каноник, не искушайте провидение. А я так думаю, что шериф ничего тут не может поделывать. Ведь у Робин Гуда нора — под каждым кустом. Поди-ка его поймай, когда каждый виллан, каждый раб готов отдать ему свою шкуру на сапоги и в беде поминает прежде его, а потом уж святую деву.

Теперь то одна лошадь, то другая забегала вперёд, и всякий раз отставшей приходилось нагонять свою соседку.

— Да не спешите вы так, отец приор! — воскликнул наконец каноник, заметив, что его

спутник окончательно выбился из сил. — Если вы будете так сильно болтаться в седле, у вас непременно лопнет подпруга. Бросьте поводья, пусть лошади отдохнут. Я не рассказывал ещё вам, как мы встретились в Средиземном море с кораблём сарацин?

Лошади пошли шагом; после быстрого бега они продолжали носить боками, шерсть на груди у них потемнела от пота.

Каноник перекинул ногу через седло и сел боком, обернувшись к своему спутнику.

— Завладев островом Кипром, мы двинулись к Аккре. Близ этого города мы заметили сарацинский корабль. Борта его были выкрашены зелёной и жёлтой краской, три высокие мачты уходили под облака. Мы узнали потом, что на этом корабле сарацины везли оружие всякого рода — пращи, луки, копья — и двести штук самых ядовитых змей на погибель христианам. Тучи стрел посыпались на нас. Наши галеры окружили корабль со всех сторон, но ничего не могли сделать. Король Ричард кричал изо всех сил: «Неужели вы дадите врагу уйти невредимым? Так знайте же: вы будете повешены тут же на мачтах, если сарацины уйдут живыми!»

Маленький всадник бросил восторженный взгляд на крестоносца, потом украдкой скользнул глазами по зарослям справа и слева от дороги и

продолжал слушать рассказ.

— Эти слова придали нам храбрости, — рассказывал каноник. — «Смелее, воины Христовы!» — крикнул я. Мы накинули верёвки на руль вражеского корабля и по этим верёвкам взобрались на борт. Многим сарацины отрубили руки, многих сбросили в море. «На нос!» — крикнул я, расчищая мечом дорогу. Все мои товарищи пали, прославляя имя господне. И я очутился один на носу корабля. Десяток кривых сабель...

Вдруг лошади стали.

От неожиданного толчка крестоносец, сидевший в седле боком, едва не упал.

Посреди дороги, протянув руку вперёд, стоял монах в изорванном, заплатанном плаще.

— Святые отцы, подайте нищему служителю Христову! — слышался голос из-под капюшона. — За весь день мне никто не подал ни фартинга на ужин.

Услышав смиренные слова, маленький всадник облегчённо вздохнул. Лицо его, мгновенно ставшее белым, снова оживилось. Он сунул было руку в кошель, когда крестоносец крикнул:

— Проваливай с дороги, монах! Нашёл у кого просить — у нищих служителей церкви! Нет у нас ничего, ступай своей дорогой.

Каноник тронул поводья и проехал мимо

нищего. Но нищий догнал его одним прыжком. Сильной рукой он схватил лошадей под уздцы и остановил всадников.

— Святые отцы, — сказал он тихим, спокойным голосом, — неужели мы не заслужили у господа бога нескольких золотых монет! Братие, преклоним колена и воззовём к милосердию божию. Может быть, господь услышит нашу молитву и ниспошлёт нам от щедрот своих на пропитание.

Каноник положил руку на рукоять меча. Но монах заметил это движение. Он тряхнул головой, и капюшон упал ему на плечи. Молодое, румяное лицо оказалось у монаха. Русая борода, ровные белые зубы под задорными завитками усов. Крестonosец поспешно слез с коня. Его маленький спутник стоял уже на коленях, сложив руки на груди для молитвы. Неловко подгибая длинные ноги, каноник опустился рядом с ним. Тут и монах преклонил колена.

— Ну, братие, — сказал он, — вознесём молитву к престолу всевышнего. Повторяйте за мной: «Господи боже, внемли смиренным рабам твоим...»

Святые отцы перекинулись быстрым взглядом.

— Господи боже, внемли смиренным рабам твоим... — дрожащим голосом прошептал приор,

подняв глаза к небу, заслонённому яркой зеленью дубов.

— Господи боже, вземли смиренным рабам твоим... — торопливо прошептал за ним каноник.

— «...и ниспошли нам на пропитание...»

— ...и ниспошли нам на пропитание...

— «...золота...»

Не смея повернуть голову, маленький путник искоса посмотрел на крестonosца. Тот, втянув голову в плечи и согнув дугой могучую спину, повторял побелевшими губами:

— ...золота...

— «...елико возможно больше!» — громко воскликнул нищий монах, вскакивая на ноги.

— ...елико воз-змо-жно... больше, — холодея от страха, прошептали святые отцы.

— Отлично, братие! — сказал нищий. — Вы хорошо молились — видать, от чистого сердца. Уж, верно, господь услышал нашу молитву. Давайте же, братие, осмотрим карманы наши и поделим по-братски всё, что послал нам всевышний. Начну-ка я первый.

Лукаво посмеиваясь, нищий монах обшарил свои карманы.

— Гм! Видно, я грешен перед господом богом: у меня в карманах ничего не прибавилось после молитвы.

— И... и у меня ничего не прибавилось! — в

один голос ответили святые отцы.

— Разве? А мне почудился звон. Ведь у вас ничего не было прежде, ни фартинга? Сдаётся мне, всё же молитва наша дошла до престола господня. Посмотрим, посмотрим, чем подарило нас милосердие божие... О! Да тут и впрямь что-то есть!

Так воскликнул нищий монах, вытаскивая из кармана крестоносца туго набитый кошель.

— А теперь у вас, святой отец!

Второй кошель, не менее пухлый, упал на траву рядом с первым.

Под пристальным взглядом нищего крестоносец скинул на землю свой плащ, разостлал его пошире и высыпал на него две пригоршни звонких монет. Он безропотно разделил их на три равные части.

— Блажен, кто верует! — воскликнул монах, сгребая с плаща свою часть золота. — Возблагодарим господа за милосердие его!

Но святые отцы не стали молиться на этот раз.

Поспешно упрятав отощавшие кошельки, они вскочили на лошадей и помчались прочь.

Маленький всадник мешком повалился на шею своего скакуна и крепко вцепился руками в гриву. Зато крестоносец показал, как искусно умеют обгонять ветер храбрые победители сарацин.

2. О ЧЕТВЁРТОМ СВЯТОМ ОТЦЕ

И только монах зашёл в глубину,
Он Робина кинул в поток.
«Хочешь — поплавай, а хочешь — тони;
Тебе выбирать, паренёк!»

Зелёная завеса скрыла всадников от глаз. Но нищий монах долго ещё прислушивался к затихающему вдали топоту копыт и треску валежника.

— Клянусь святым Кесбертом, — усмехнулся он, — эти молодцы потянутся в беге с любым оленем! Они слетят сейчас с обрыва в ручей — это так же верно, как то, что их золото звенит у меня в кармане.

Глухой всплеск подтвердил его догадку.

Раздвинув гибкие ветви орешника, монах достал из дупла векового дуба лук, колчан со стрелами и окованную железными кольцами дубину. Весёлая песня понеслась по лесу:

Жирные гуси, жареные гуси
Прямо с вертела в аббатство летят.
«Кому гусей горячих?» —
Святым отцам кричат.

Колчан скрылся под широким плащом, лук со спущенной тетивой повис за плечами. Монах зашагал по тропинке, вертя дубину над головой. Он шёл не спеша, лёгкой походкой, глубоко вдыхая запах лопающихся почек и свежей травы. Иногда он подкидывал дубину вверх, сшибая с прозрачного зелёного свода осколки радуг, запутавшихся в мокрой листве.

Где-то свистнула иволга, и монах ответил ей таким же звонким коленцем. Лесная тропа раздвоилась.

В последний раз монах бросил взгляд на следы подков и свернул вправо.

С каждым шагом лес становился гуще и глуше. Тропинка вилась ужом между кряжистыми стволами, нога то глубоко погружалась в сырой мох, то натыкалась на узловатые обнажённые корни лесных старожил. Солнце едва пробивалось сквозь густую листву.

Ловко ныряя под ветвями деревьев, перепрыгивая через упавшие стволы, монах пробирался все дальше и дальше на север.

Тропинка давно пропала в подлеске, по монах не колебался в выборе дороги. На широкой поляне, окружённой шумной толпой лесных великанов, он скинул с себя вымокший до нитки монашеский плащ. Ярko вспыхнула на солнце малиновая куртка.

Человек в малиновой куртке подбежал к молодому дубочку, который приподнимался к небу на самой середине лужайки, весело разминая ветви и пошевеливая листьями.

— Эге! — крикнул человек, остановившись перед весёлым деревцем. — А вот и моя стрела!

Дерево было пробито стрелой, когда ствол его был ещё гибок и тонок, как стебель. Стрела пробила дубок и засела в нём. А теперь ствол дерева окреп, поднялся кверху и унёс с собой стрелу. Человек в малиновой куртке поднял руку, но не дотянулся до стрелы.

— Подивился бы старый Генрих, если бы увидел, как вырос дубок за эти годы. И лука давно уже нет, который он подарил мне тогда за хороший выстрел, а стрела все цела.

Он долго стоял не шевелясь, прислонившись плечом к молодому дереву.

Ящерица пробежала по мокрым ремням его сандалий и юркнула в траву.

— А какие глаза были у старика! — задумчиво сказал лесной бродяга и тряхнул головой, точно хотел сбросить невесёлые мысли.

Порыв ветра качнул вершины деревьев, обступивших поляну.

— Да, Линдхерстский лес остаётся Линдхерстским лесом. Скоро будем к вам в гости! — воскликнул человек, отвечая дубам на

поклон поклоном. — Сыщи тут, шериф, меня и моих молодцов.

Подмигнув ястребу, парившему в небе, он пустился в обратный путь. Монашеский плащ высох уже; ящерица скользнула по нему и спряталась в капюшоне.

Жирные гуси, жареные гуси,
Жареные утки с выводком утят
Прямо в аббатство,
В смиренное братство...

— Э, да мне сегодня удача! — рассмеялся лесной бродяга, спрыгивая с обрыва на берег ручья. — Поутру — два монаха, а вот и ещё один. Однако, чтобы наполнить его брненное тело, не хватит и бочки доброго эля...

Лесной бродяга бесшумными шагами направился к монаху, сидевшему на камне у ручья. Он подошёл к нему так тихо, что тот и ухом не повёл. Человек в малиновой куртке остановился, с удивлением глядя на грузную фигуру отшельника.

Грубый суконный плащ, прикрывавший его плечи, был так широк, что под ним легко спрятался бы изрядный стог сена. Вокруг давно не бритой тонзуры мелкими колечками курчавились рыжие волосы. Задумчиво уставившись на воду, монах перебирал тяжёлые свинцовые чётки.

— Хотел бы я знать, святой отец, — сказал вдруг человек в малиновой куртке, — хотел бы я знать, отец, много ли смирения помещается в таком здоровенном теле?

Медленно повернулась круглая голова на короткой шее. Монах поглядел на малиновую куртку маленькими сонными глазами.

— Смирение — мать всех добродетелей, — ответил он спокойно, без всякого удивления. — Будьте смиренны, яко агнцы, — так заповедал нам всеблагий господь.

— Ну что ж, если ты и вправду смиренная овечка Христова, перенеси меня на тот берег, — приказал человек в малиновой куртке.

Ни слова не говоря, монах, точно слон, опустился перед ним на колени. Лесной бродяга взгромоздился к нему на плечи.

Шея монаха была так толста и крепка, что парню показалось, будто он уселся верхом на узловатую ветвь дуба. Свой лук и колчан он поднял над головой, чтобы не измочить их в воде. Дубинкой он помахивал в воздухе перед самым носом смиренного отшельника.

А тот, покорно склонив голову, шагал по воде. Полая вода ещё не сошла, и ручей был довольно широк и быстр, пенистая струя разбилась о грузное тело монаха. Сперва вода доходила ему до колен, потом поднялась по пояс, по грудь.

— Но, но, осторожней, святой отец! Мне неохота купаться! — покрикивал на монаха ездок. — Небось вода холодна? А право, смирение — великая добродетель!

Между тем отшельник приближался к берегу. Человек, испытывавший его смирение, приготовился было спрыгнуть на землю. Но вдруг он почувствовал, что широкая рука святого отца стиснула его руку повыше локтя. словно пёрышко монах снял его со своей шеи и опустил на берег.

— Брат мой, — сказал монах, подмигивая своему седоку, — смирение — великая добродетель. Не откажи, будь добр, перевези меня на тот берег.

— Ого! — рассмеялся лесной бродяга. — Ты, я вижу, тоже любишь хорошую шутку! Ну что ж, долг платежом красен. Держи повыше мой лук и стрелы, чтобы они не намокли.

— Ладно, ладно, уж я посмотрю. И дубинку мне дай заодно. Я, конечно, тяжеловат, но ты, видать, парень крепкий.

Человек в малиновой куртке присел немного, когда на него навалилась гора, одетая в мокрый суконный плащ. Он не прочь был бы скинуть в воду своего седока, да больно крепко стиснул коленками его шею святой отец. Отшельник весело помахивал в воздухе дубинкой, и длинные стихи из священного писания так и сыпались с его языка.

Пошатываясь под тяжёлой ношей, лесной бродяга перебрался через ручей.

— А ведь ты и впрямь тяжёленек, — сказал он, ступая на берег.

— На все воля божия, — ответил отшельник, сползая с шеи своего нового друга. — Сколько ни умерщвляю плоть постом и молитвой, а всё же...

Но тут лесной бродяга одним прыжком вскочил на плечи святому отцу.

— Прокати меня ещё разок, приятель! Ты забыл, что мне надо на ту сторону, святой отец? Ну-ка, ну, поживей!

Он похлопал отшельника по тонзуре, как понукает лошадь хороший ездок. И, безропотно повернувшись, смиренный служитель Христов снова вошёл в ручей.

К этому времени малиновая куртка впитала в себя столько воды, что стала пунцовой. Но этот цвет, очевидно, показался отшельнику недостаточно тёмным, потому что, дойдя до середины ручья, он вдруг так резко потрянул плечами, что его седок взлетел в воздухе, кувыркнулся турманом и опустился уже не на широкую спину святого отца, а на неверную, пенистую поверхность потока. Молодец выскочил из воды с такой же быстротой, с какой вылетает из канавы брошенная туда ребятами кошка. Отшельник сидел уже на своём прежнем месте и,

щурясь от яркого солнца, смотрел, как несётся к нему, вертя над головой дубину, парень в пунцовой куртке.

— Уж и выдублю я твою шкуру, святоша!

— Это нехитрое дело, — сказал монах, перебирая чётки, — нехитрое это дело — пересчитать ребра смиренному служителю церкви, у которого всего и оружия, что молитва да чётки. А вот посмотрел бы я, как бы ты попрыгал, будь в руках у меня жёрдочка вроде твоей.

При этих словах парень в пунцовой куртке остановился и опустил дубину. А святой отец, не дожидаясь приглашения, нагнулся и вытащил из-под куста отличную палицу, также окованную железом и сверкавшую от долгого употребления. Мокрый плащ его упал на землю, а дубина взлетела в воздух и принялась выписывать хитрые восьмёрки над его головой. Лесной бродяга звонко рассмеялся.

— Ай да монах! — воскликнул он. — Вот это монах так монах!

Они закружились по поляне, обрушивая друг на друга град тяжёлых ударов. Но в руках хорошего бойца дубина — отличный щит. Стук пошёл по лесу, и пугливые синички поспешили вспорхнуть на самые высокие ветки. И как ни старались противники изувечить друг друга, дубина всегда встречала на пути другую дубину.

Кукушка прокуковала долгую жизнь одному и долгую жизнь другому. Два часа бились весёлые молодцы, и каждый прошёл добрых пять миль, отыскивая слабое местечко у своего врага; и пунцовая куртка стала малиновой снова, а кожаная куртка отшельника курилась паром, когда наконец дубина святого отца с размахухватила в самое темя молодца в малиновой куртке. Кровь потекла у него по лицу.

— Вот это удар так удар! — сказал бродяга, роняя дубинку. — За этот удар я, пожалуй, прощу тебе рясу.

Вскочив на ноги, он пустился к ручью, где лежал его лук. Не больше мгновения ему потребовалось, чтобы выхватить из колчана стрелу и натянуть тетиву. А когда он обернулся, святого отца уже не было на месте.

— Никак, он провалился сквозь землю! — промолвил парень.

Но тут из-за старого дуба показался отшельник — в железном колпаке, с мечом при бедре и со щитом в руках.

— А я уж думал, что ты за святость свою вознесён в небеса, — сказал парень, вскидывая лук. — Давно не бил я в такую большую мишень!

Но мишень оказалась на удивление проворной: щит сверкнул на солнце, стрела скользнула по нему и воткнулась в землю, дрожа от

злости.

— Ты зря перепортишь все свои стрелы, дружище, — сказал монах, отбивая с таким же проворством вторую и третью стрелу. — А пожалуй, они пригодятся ещё тебе на этом свете.

— За такое искусство я, пожалуй, прощу тебе и тонзуру, — сказал бродяга. — Но имей в виду, святой отец: стоит мне затрубить в этот рог — и четыре десятка моих молодцов будут тут раньше, чем ты успеешь прочесть отходную своей грешной душе.

— Не спеши трубить, Робин Гуд, — рассмеялся монах, — стоит мне свистнуть вот в эти два пальца — и десяток добрых псов будет тут, чтобы встретить твоих молодцов.

— Дай же мне обнять тебя, фриар Тук! Я обшарил весь Пломптон-парк, чтобы найти причетника из Аббатова Риптона! Да свистни же скорей своих псов, чтобы я увидел, правда ли это, что собаки умеют на лету ловить пастью стрелы!

Тут Робин Гуд дунул в свой рог и протрубил в него трижды. И отец Тук вложил в рот два пальца, и оглушительный свист прорезал лесную чащу.

— Поглядим, поглядим, кто будет тут раньше, — промолвил монах, проверяя, целы ли железные кольца на дубине после хорошей драки.

И сразу с двух концов затрещали ветки в лесу. Тридцать девять стрелков в зелёном

линкольнском сукне вынырнули из густолесья. А навстречу им с лаем и воем, перепрыгивая друг через дружку, вырвались на лужайку к ручью дюжие рыжие псы.

Отец Тук одним словом смирил их ярость, и они улеглись, скрестив передние лапы, вывалив мокрые языки из зубастых пастей.

— Здравствуйте, молодцы! — сказал отец Тук, отирая со лба пот широким рукавом своей кожаной куртки. — Ради весёлой встречи первым долгом закон велит промочить горлышко кружкой доброго эля. В трёх полётах стрелы отсюда стоит моя скромная обитель. Олений бок, верно, ужарился в печи, если только не сгорел, пока мы с Робинот тут разминали кости. Это, конечно, скромная трапеза для сорока молодцов! Но, клянусь святым Дунстаном, не всех оленей я перебил в королевских лесах.

Псы, сшибая друг друга с ног, понеслись вперёд по узкой тропке. Робин Гуд, обнявшись с отцом Туком, шёл впереди всех молодцов. В трёх полётах стрелы, там, где чаща казалась всего непроглядней, тропка вывела молодцов на просеку, к скромной обители отшельника.

Сложенная из вековых стволов изба окружена была широким рвом, наполненным водой. Толстые цепи поддерживали узенький подъёмный мост.